

ФАРФОРОВЫЕ ЗАТЕИ

*Памяти
Асты Давыдовны Бржезицкой
Она крошечная, смуглая, иссу-
шенная — словно обжиг прошла.
Седая косица, заплетенная сза-
ди. Глаукома, уже оперирован-
ная, но прогрессирующая.*

1. Просто жизнь

— *Т*уленька, деточка, не бойся, она не страш-
ная, не укусит... Нет, не верит никому.
Видишь, кто бы ни пришел, она под диван забивает-
ся. Деточка. Настродалась от добрых людей...

Что это за свертки ты вытаскиваешь, какого чер-
та? У меня все есть, я сама тебя сейчас накормлю...
Ну, не хочешь — сиди голодной. Ты не против, что
я на «ты»? Имею право: девяносто лет — это уже не
возраст, это эпоха...

...Пойдем сядем на диван... он называется «Шу-
рик». У меня сосед был Шурик, таксист, я упростила
его поехать со мной купить новый диван. Вроде как
он мой муж. Шурик говорит: «Да у меня на морде на-
писано, что я таксист!» Но все ж поехал.

Заходим, видим — стоит этот благородный диван,
бархатный. Одинокий. Продавщица говорит: «Он
вам не подходит. Во-первых, дорогой, во-вторых, не
раскладывается, в-третьих, он последний».

ДИНА РУБИНА

А Шурик ей: «Кто вам сказал, что нам нужно его раскладывать? У меня этих коек дома навалом. Заверните! Берем!»

...Это что ты разматываешь, что за проводки? Ах, ну да... И что — весь этот мой бред неостановимый будет напечатан? А кому понадобится все это читать? Это же не роман какой-нибудь. Это просто жизнь... Вон, любая старуха на лавочке, — она тебе интереснее расскажет... Она и в политике разбирается, в отличие от меня. Хотя вот, знаешь что — этому Президенту новому очень симпатизирую. Очень он мне нравится. Ведь он в моем сне спас Гулю от наводнения... Серьезно: помню, там на каком-то острове с грузовика в лодку перегружают двух свинок, козочку, а для Гули места не хватает, и она остается за бортом. И, знаешь, мы плывем, а Гуля — за лодкой, и лает, и стонет... У меня просто сердце разрывается от горя. Тут какой-то господин рядом со мной — элегантный, худой — аккуратно снимает пиджак, подтяжки, галстук, ботинки и носки. Очень аккуратно складывает это стопочкой на скамейку, бросается в воду и спасает Гулю! Да-да — и, забравшись в лодку, кричит: «Скорее сухое полотенце, она же совсем мокрая!»

Ну скажи — как я могу его после этого не любить?

У меня за него душа болит — вряд ли ему дадут что-то сделать хорошее. Ведь он не может окружить себя теми, кто умеет работать. Он, понимаешь, должен окружать себя теми, кому доверяет. А кто они, эти самые, кому он доверяет? Парни с его двора, говнюки окаянные... Ты как относишься к плохим словам?

— К матерным?

— Ну да.

— Хорошо отношусь. Это же определенная эмоциональная краска в разговоре, иногда необходимая.

ФАРФОРОВЫЕ ЗАТЕИ

— А я могу и без них вытерпливать. Немного, но могу.

— ...и Раневская ваша вот тоже...

— Да, доктор Бакулев знаменитый однажды пришел к Фаине Георгиевне. Он дружил с ней, любил ее очень... Мы с ней сделали обед, такой, приличный, но не шикарный — шикарный он не позволял... Пришел, говорит: «На что жалуетесь, Фаина Георгиевна?»

«Александр Николаевич, не сру!»

«Сейчас посмотрим».

«Что — посмотрим?!»

— Евгения Леонидовна, ну, поехали, благословясь? Включаю кнопку... Здравствуйте, Евгения Леонидовна! Как я рада нашей встрече и как благодарна, что вы — легенда, так сказать, российского фарфора — дали на нее согласие. Я вот, знаете, долго не могла придумать, с чего разговор начать. А как только переступила порог, увидела эти ваши скульптуры, которые с детства во многих семьях, на многих столах, буфетах, полках встречала...

— ...А знаешь, что самое страшное? Самое страшное для человека, который проработал как проклятый семьдесят лет, — это праздность. Самое страшное, что надвигается слепота и — никуда от нее не деться...

— Нет, я так не могу! Я не могу с этого начинать!

— Чего ты не можешь, дура?! Тебе обязательно надо вот это самое — «родилась я в городе Тамбове...»? А кстати, родилась-то я знаешь где? В Пензе... Дед был — миллионер, лесопромышленник, выбился в купцы первой гильдии трудом, умом и сверхъестественной честностью. А его брат Яша подался в революционеры. Ходил в кожанке, с наганом на поясе...

ДИНА РУБИНА

После революции у семьи сначала экспроприировали все предприятия, отняли деньги. Дед брату сказал: «Яша, ты этого хотел?»... Ну, в двадцатые годы «уплотнили» нас так, что вся семья жила в одной двадцатиметровой комнате в коммуналке. И снова дед спросил: «Яша, ты этого хотел?»

А в тридцать восьмом ночью пришли за Яшей и увели его навсегда. Дед успел прорыдать ему в спину, которую больше никто никогда не увидел: «Яша, ты этого хотел?!»

— А в Пензе... Там большой дом был?

— Ну, домик кой-какой... Наша семья занимала весь верхний этаж. А знаешь, самое главное впечатление у меня от детства-то какое? Когда я в один день постигла, что такое рождение и что такое смерть. Это просто у меня такая метина, зарубка в памяти... Сперва я была принцессой в доме, потом появился брат Оська, не родной, сын моей тети Полюси. Родился, значит, Оська... И к нему шли с поздравлениями. Тетя Полюся стояла такая величавая, она у нас дородная была, в отличие от Саши.

— А... Саша?

— Саша — это моя мать. Я ее всю жизнь называла — Саша. Она изящная была, зеленоглазая, рыжая. И свистела.

— Как это — свистела?

— Погоди, не плунтайся под ногами! Это словечко нашей домработницы Суры, суровой женщины. Ей Борис Александрович, мой муж, говорил: «Сура Яковлевна, вы очень жирно готовите. У меня печень большая, я не могу так жирно есть». Она говорила: «Ай, не плунтайтесь под ногами, идите прежде!»... Я — про что?.. Да: так тетя Полюся принимала поздравления. У нас была лестница красного дерева... в разные стороны так разбегалась... И тетя Полюся стояла наверху,

ФАРФОРОВЫЕ ЗАТЕИ

на площадке, с младенцем на руках. Ему все несли какие-то приношения. А я — мне три года исполнилось — сидела в дедовом кабинете на козетке и тихо говорила: «А мне — ничего»... И все думала, как же от него избавиться, от Оськи, жить-то надо.

Ночью проснулась, спустилась в одной рубашонке в кухню, нашла топор и поволокла его наверх, в спальни... тяжелый, сволочь!

— Это вы — чтоб брата зарубить?

— Ну, само собой. Да, тащу топор... А наверху меня уже нянька моя, Настя, поджидает. Говорит: «Женюра, куда ты ночью топор тащишь?» Я говорю: «Оську убить. Помогите мне, я не могу, он тяжелый». Она отняла топор, объяснила, что Оську уж не стоит убивать. Грех это. Ежли родился, пускай живет...

— И вы смирились?

— Не сразу. Приходили все новые гости, приезжали родственники отовсюду. И приехал откуда-то из Франции, он там учился, роскошный дядя, неженатый. Эдакий светский парижанин: я его помню не то во фраке, не то в смокинге... Кудрявый.

«Что ж ты тут сидишь грустная, Женюра?»

И я ему раскрыла сердце.

«Да ты что, разве можно так сокрушаться? Что ты, Оська — это же кусок мяса, а ты — шикарная женщина!.. А я тебе привез гостинец!» Открыл коробку, и оттуда волна запаха какой-то краски. Гадость, я сейчас думаю, отравы, но мне показалось волшебным ароматом. Внутри лежала Сестра Милосердия! Самая дешевая кукла, наверное, что попалась ему по дороге, на вокзале каком-нибудь, но дорожке ее у меня не было. И на этом кончились мои страдания. Я ведь вообще — в раю жила. Огромный двор у нас был — рай настоящий... Вставала рано-рано, часов в шесть, и выбегала босиком во фруктовый сад. Од-

ДИНА РУБИНА

нажды увидела ярко-румяное яблоко, прекрасное, теплое, оно так ни-изенько висело... И я подошла и вот так подставила руку, и оно, опушенное какой-то нежной пыльцой, такое... под-лин-ное... оно село мне в руку, улеглось... понимаешь? — не упало и не оборвалось, а просто пришла пора ему оставить материнскую ветвь. Я ощутила это как чудо: оно недавно было — цветок, а теперь сидит у меня на ладошке живое яблоко. И пошла с этим яблоком в кухню — показать его Насте, она и стряпала у нас. А в кухню в это время шел всеобщий любимец селезень Васька. Шел себе вразвалочку: такая перламутровая синяя испеленная шейка, глаз такой веселый, на какой-то там протоке его уже ждал гарем. Он шел в разведку. Ему на кухне давали кусочек хлебца каждый день. Все его любили. С добычей отправлялся к своим. Я увидела, что Васька идет в кухню, подумала: не буду мешать, обожду здесь. И села в траву... А Васьки нет и нет. Я пошла в кухню узнать, где он. Настя посмотрела на меня как-то смущенно и говорит: «Иди ты отсюда, нечего тебе тут делать, на, играй» — и что-то бросила мне в руки — холодное, мокрое. Я вышла на улицу, на свет — разглядеть. Это была Васина головка! Ладонь омочилась его кровью, белая пленка закрыла глазки... Я даже не плакала, я онемела. Несколько дней не ела, не выходила к столу. И эта кончина милого существа неопишуемой красоты... Я не могу тебе даже объяснить, что это для меня было...

Пауза

— Евгения Леонидовна, вот вы о селезне, которого, конечно, жалко. А что революция, война, весь этот кошмар начала века? Он ведь жизни опрокидывал... Ваша семья...

ФАРФОРОВЫЕ ЗАТЕИ

— У нас Саша после заграничного санатория оказалась в Крыму, в Алушке, в частном пансионе — у Саши были слабые легкие. Хозяином пансиона был такой Овчинников, юрист, с васильковыми глазами, с красной разбойной бородой. У него была охранная грамота, потому что на каком-то процессе, где Фрунзе приговорили к смертной казни, Овчинников его отбил.

— Это на каком же процессе Фрунзе приговорили? Еще до революции?

— Да. Потом его, как известно, зарезали товарищи по партии. Культурно, на операционном столе...

Ну, и отец повез меня на поезде в Алушку, к Саше. Тащились несколько недель, время-то было опасное, глумливое... Однажды посреди степи на поезд напала банда красных. Один, мордатый такой, голос сиплый, крикнул: «Еврей есть? Выходи!»

Вышли мы с отцом и еще одна семья: дед, мать и трое детей. Отец спрашивает: «Вы куда нас ведете?» — «Сам знаешь — куда!» Тогда отец вынул золотой портсигар и сказал: «А вот, не пригодится ли вам эта вещица? Смотрите, какие драконы великолепные, какая тонкая работа»... Тот взял, повертел в руках, открыл портсигар, почти полный отцовскими папиросами, такими... благоуханными, буркнул: «Ладно, проваливайте, пока не смотрю!»...

И мы с отцом бросились бежать... А ту, другую семью, голь перекатную, понятно куда повели...

И вот, не помню уж как — добрались до Алушки, разыскали пансион, где жила Саша, миновали огромный парк роскошный, вошли в дом, нам горничная показала ее комнату... Саша стояла на веранде, залитой солнцем. И свистела.

— Что-что?! Погодите, я н-не совсем...

— Мне было шесть лет... Мне показалось, что передо мной божество: Саша, в белоснежном сарафане

ДИНА РУБИНА

на тонких бретельках, облокотилась о парапет террасы, в рыжих волосах переливалось солнце, а за спиной ее стояла синяя стена. Я никогда прежде не видела моря, поэтому не поняла — что это. И лишь когда по синей стене пополз крошечный парходик, ахнула и обомлела.

Я робко к Саше приблизилась... Добирались-то мы несколько недель, не утруждая себя мытьем в поездах, да еще после того налета спали где попало, скитались по селам, добирались на попутных шарабанах... Можно вообразить, во что превратилась моя и без того всклокоченная голова. Саша склонилась ко мне, потянула носом воздух и сказала: «Какая гадость!» И повела мыться...

И все это уже было счастьем: дивный парк... Море...

— В те годы там жилали многие замечательные люди...

— Понимаешь, когда травят блох на собаке, все блохи скапливаются на носу. Вот так и в эти годы — с 17-го по 25-й — многие интеллигенты скопились в Крыму: в Коктебеле, в пансионатах в Алушке, Мисхоре... И Аверченко, и Тэффи, Волошин... Всех не перечтешь — очень благородная публика. Я при них там крутилась. И еще были дети...

Мы учились там, знаешь? Например, рисовать нас учила художница Хотяинцева. Мы, конечно, понятия не имели, что она дружила с Чеховым, с Билибинным. Для нас все это был пустой звук, мы были маленькие невежды.

Да, Хотяинцева... Она поставила вазу на лавку, и в вазе три цветка — незабудки. Все нарисовали, что видели. Я же нарисовала примулу, и на ней, как на колючей проволоке, были цветочки разбросаны...

«Где ты их увидела?» — спросила меня Хотяинцева.

ФАРФОРОВЫЕ ЗАТЕИ

«А мне так хочется!»

Она сказала: «Дурочка, уж из тебя-то художника не выйдет никак».

— Угадала...

— Да, вот такие люди... Поэтому-то и говорю таким языком — их языком... А Саша... она боже-ственно свистела!

— Да что это значит, наконец?!

— Пока Саша была в Италии, кто-то научил ее свистеть, не открывая рта. Казалось, звуки льются прямо из души.

Однажды она говорит мне: «Мало знать один язык. Ты будешь заниматься немецким и французским». Говорю: «Саша, есть хочется!» — «Ну так что, лучше умереть грамотной, чем невеждой!» ...Мы каждый вечер шли по берегу босиком из Алупки в Мисхор — специально, чтобы послушать под окнами одного дома неземную, упоительную музыку. Стояли весь вечер, на окне колыхалась тюлевая занавеска, из окна разливались, извергались потоки счастья... А однажды мы дошли и — услышали тишину. Только занавеска под ветром безмолвно вырывалась из открытого окна и опять влетала в дом. Мы долго, долго стояли, все надеялись... Потом вышел человек и сказал: «Уехали Сергей Васильевич, уехали-с...»

— Сколько же километров вы отмахивали?

— До Мисхора не так много... Каждый день в оба конца... Саша делала все, чтобы занять меня, отвлечь от еды.

— А голодное было время?

— Совсем голодное... Опухшие трупы на улицах.

Помню, однажды, когда мы шли берегом моря в Мисхор, я спросила ее: «Саша, а ты не боишься, что я вырасту мимо?» — «Как это — “мимо”?» — удивилась она. «Ну вот я расту себе, пью, гуляю... а вдруг

ДИНА РУБИНА

я вырасту не такой, как ты бы хотела, а какой-то совсем другой, чужой тебе?..»

И как раз в этот вечер... эта опустошенность — как вылетала из окна легкая тюлевая занавеска. И ни единого звука... «Уехали Сергей Васильевич, уехали-с...» Где-то постреливали, но мы не обращали внимания.

— Сколько вы пробыли в Крыму?

— В 21-м году с первым санитарным поездом поехали в Москву. Сначала в Алушке появилась мама, на сестра Римма, балерина Большого театра. Потом приехал ее муж, и он-то нас всех загрузил в поезд. И мы ехали в Москву... двадцать четыре дня.

— В Москву — двадцать четыре дня?!

— Двадцать четыре дня. Времена менялись, власти менялись, на поезд постоянно нападали, то он вдруг останавливался без всякой причины, то вдруг без всякой причины мчался...

— А когда нападали на поезд, что отнимали — деньги?..

— Да у нас нечего было отнять! Один раз, помню, вошел совсем молодой, хорошенький такой... У него вот тут, на руке, висели сумки... Навел на меня дрожащий пистолет... кажется, он сам его боялся... сказал высоким голосом: «Вот до чего вы нас довели!»... Повращал глазами и ушел. Нет, нас не трогали. Ну что с нас было взять?..

— Ну а когда добрались в Москву?

— Вон, видишь, на книжном шкафу скульптура? Моя бабушка... Вот такая она сидела: величавая красавица рыжая, с рыжим котом на руках, у ног черный пудель, а на нем верхом сидел маленький королек-петушок. У него там было гнездо, на пуделе. Это первое мое впечатление в Москве... Меня опять отмыли, и я очень быстро освоилась.

ФАРФОРОВЫЕ ЗАТЕИ

— А где вы там жили?

— Против Елоховского собора, на том месте, где до нашего стоял дом, в котором Пушкин родился. В глубине двора — фруктовый сад, заборы все порушены... сам Елоховский, правда, не тронули. Мы туда часто ходили послушать пение, особенно в Страстной четверг.

— Вас крестили?

— Нет. Саша сказала: «Я родилась еврейкой, и моя дочь ею останется. И пусть будет, что будет. Пусть нас вышлют». Но никто нас больше не тронул.

— В какой школе вы учились?

— В девятой, имени почему-то Нансена. Тогда очень любили Амундсена, Нансена. Они были национальные советские герои. Наверное, это сейчас смешно?

И праздники отмечали как-то смешно. Помню Женский праздник. Зал набит такими интеллигентными благоухающими дамами.

— А это женская школа была?

— Нет, нет. Просто мамы пришли на спектакль в их честь. И вот, только представь себе: бывшая Медведниковская гимназия, очень добротно выстроенное прекрасное здание в стиле модерн. Внутри зал огромный... И я на сцене этого зала: беленькие в резинку чулочки, лаковые туфельки, черное бархатное платьице. И писклявым омерзительным голосом я выкрикнула: «Довольно обжигаться у горшков и мужу отдавать поклон! Сегодня делегатка я от всего рабочего района!» Дальше забыла. Мне не дали продолжать. Такой поднялся смех в зале! И меня как выставили на сцену, так и вынули, как куклу. Больше я не появилась.

— Завершение вашей артистической карьеры?

— Нет, зачем же. Я еще в нескольких спектаклях с не меньшим успехом участвовала. Но главное та-